

«Свобода договора воцарилась в части I ГК, по крайней мере на бумаге»

13.05.2025

ИНТЕРВЬЮ

10 ЛЕТ РЕФОРМЕ ГК РФ

«Свобода договора воцарилась в части I ГК РФ, по крайней мере на бумаге, а вот часть II не была приведена в соответствие с новыми принципами и нормами. Это ставит под сомнение

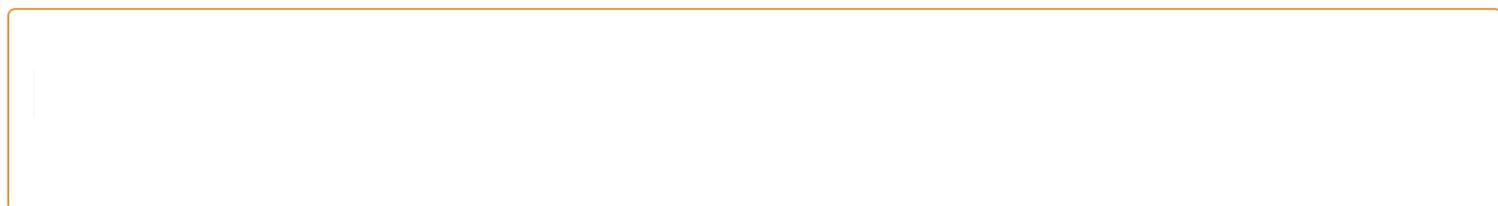
*целый ряд новелл общей части обязательственного права», — так **Людия Михеева**, один из участников реформы 2015 г., объясняет итоги изменений, внесенных в Гражданский кодекс РФ. В рамках эксклюзивного интервью вы узнаете, почему заверения об обстоятельствах стали востребованным нововведением, как суды на практике применяют принцип добросовестности, какие нормы бизнес так и не научился использовать и когда ждать внесения новых изменений в обязательственное право.*

— С какими основными сложностями, разногласиями и дискуссионными моментами столкнулись разработчики в процессе подготовки и принятия Федерального закона № 42-ФЗ?

— В 200 г. я участвовала в работе подгруппы по прекращению обязательств, а с 2012 г. на площадке Госдумы занималась подготовкой к принятию отдельных блоков реформы, поэтому могу говорить лишь о тех событиях, в которых участвовала или за которыми наблюдала.

С точки зрения политических процессов одним из самых «счастливых» был блок обязательственного права он не вызывал категорического отторжения или слишком бурных дискуссий, которые тормозили бы его принятие.

Активное продвижение этого блока началось в 2014 г., и в это время подавляющему большинству наших критиков в принципе уже почти все в проекте нравилось. Надо открыто заявить, что за это мы должны быть благодарны Василию Владимировичу Витрянскому, который в 2011 г. перед внесением проекта в Госдуму согласился включить в текст возмещение потерь, заверения, эскроу (в ч. ГК РФ) и другие востребованные конструкции.

Ли́дия Ми́хеева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, председатель совета (руководитель) Исследовательского центра частного права им. С.С.Алексеева.

С 2008 г. по 2010 г. — заместитель руководителя аппарата Комитета Госумы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. С внесения в Госдуму законопроекта № 47538-6 о модернизации Гражданского кодекса по настоящее время входит в созданную при Комитете Госумы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, а затем – при Комитете по государственному строительству и законодательству сводную рабочую группу по рассмотрению законопроекта. Занималась подготовкой ко второму и третьему чтению 12 федеральных законов, основанных на указанном законопроекте.

Некоторые сложности, однако, вызвала доработка текста. Пришлось учесть несколько сотен замечаний и пойти на ряд неприятных компромиссов, в результате чего, например, в Кодексе есть два вида опционов, пункт 2 ст.41.1 (при наличии пункта ст.1), не самая лучшая редакция статьи о рамочном договоре, а также много других не вполне удачных положений.

— Критики реформы указывали на риск смешения континентальной и англосаксонской традиций, а также на недостаточную зрелость российских рыночных отношений для таких заимствований. Сторонники, напротив, утверждали, что вносимые изменения повысят гибкость права и его удобство для бизнеса. Чья позиция, на ваш взгляд, подтвердилась?

— Для меня ответ на этот вопрос лежит в утилитарной плоскости. не считаю плодотворной дискуссию о преимуществах и недостатках конструкций англо-американского права, если только те, кто навязывают эту дискуссию, не имеют в виду прямое копирование этих конструкций. Не так уж и важно, откуда нам стало известно о заверениях или опционах. Важно, что их описали на языке российского права таким способом, который делает возможным понимание этих моделей российским судом.

Безусловно, есть объяснимый (и значимый) научный интерес в сравнении, например,

заверения (ст. 431.2) и истинного warranty. Но с точки зрения состоявшейся реформы важнее другое в сделке могут быть предусмотрены последствия сообщения недостоверной информации, в том числе такие, которые нельзя назвать ответственностью в привычном для нашего понимания смысле этого слова. Если условия этой сделки не поставлены судом под сомнение, то он применит все предусмотренные ею последствия, что позволит реализовать изначальный замысел сторон и породит именно тот экономический эффект, на который обе стороны рассчитывали.

Самое приятное чувство испытываешь, когда многие удивляются, почему такие договорные условия не признавались судами раньше, до реформы.

Да, дискуссия 2010–2011 гг. была очень острой и даже болезненной для многих ее участников. Она сводилась к взаимным обвинениям: одних обвиняли в рецепции английского права, других — в консервации советских подходов. Но уже тогда эта дискуссия не казалась мне определяющей для развития нашего правопорядка.

— Какими были цели реформы, и достигнуты ли они?

— Нельзя сказать, что у реформы раздела Гражданского кодекса РФ были какие-то особые цели, отличные от целей всей реформы Кодекса. Когда Совет по кодификации начал вынашивать идею совершенствования Кодекса, его руководители упоминали о множестве вполне прагматичных задач, и большая часть этих задач была потом честно названа в казе Президента РФ от 1.0.200 г. № 110 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (например, отражение в Гражданском кодексе РФ правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ, учет европейского опыта).

Если же говорить об идеологии реформ, то применительно к обязательственному и договорному праву самой мощной идеей, конечно, было расширение свободы договора. Теперь мы чаще называем это расширением пределов частной автономии. Цель достигнута ровно настолько, насколько нам позволили идеологические рамки. Вы сами видите, как, например, эта идея ограни

чена в пункте 1 Пленума № или в пункте 1 Пленума № 4.

— Что стало главным драйвером принятия Федерального закона № 42-ФЗ в 2015 году?

— Вы спрашиваете, почему именно 2015 год. Просто так сложилось, до проекта дошла очередь. Когда в конце 2012 г. Госдума порекомендовала раздробить цельный проект реформы, дальше нужно было двигаться пошагово. Мы пошли от первых статей к последующим, при этом продвижение некоторых проектов «ускоряли» другие инициаторы. Работу над блоком обязательственного права «ускорило» специальное поручение Президента РФ от июля 2014 г., с инициативой о выдаче которого мы вышли вместе с ФРИИ. Поручение требовало усовершенствовать законодательство «в сфере отношений между инвесторами и интернет-компаниями», поэтому те нормы об обусловленном исполнении, о возмещении потерь, заверениях, опционном договоре, которые к тому времени уже содержались в законопроекте, стали «паровозом», потянувшим за собой принятие всего блока новых норм об обязательствах и договорах. Трудно сказать, сколько еще законопроект ждал бы своего часа, если бы не это поручение.

Будем честны: не существовало запроса на нормы об альтернативных и факультативных обязательствах, о законных процентах, о переговорах, на уточненные нормы о зачете, отступном и новации и пр. Не помню, чтобы кого-то из участников дебатов или согласовывавших проект ведомств волновали даже проектные редакции статей 421 и 42 ГК РФ. А вот опционы и возмещение потерь требовались как можно скорее — имели место как убежденность в том, что для применения этих моделей недостаточно одного только принципа свободы договора, так и иллюзия по поводу того, что суды станут применять их именно в том смысле, который был заложен при принятии поправок.

— В течение нескольких последних лет в нашей стране наблюдается бум сделок по российскому праву. Обусловлено ли это принятием Федерального закона № 42-ФЗ?

— Думаю, при выборе применимого права у сторон сделки есть ряд мотивов, имеющих

вполне приземленный характер. Если сторонам предстоит разбирательство за рубежом, то российское право они вряд ли выберут.

Не сбрасывайте со счетов и вынужденное перемещение активов в Россию. Каким бы ни был российский правопорядок, если для вас теперь закрыты двери в других странах, то вы подчиняете свою деятельность окружающей вас правовой действительности. В то же время я, конечно, не стану совсем отрицать пользу усовершенствованного обязательственного права. Разумеется, приятно похвастать перед европейскими коллегами нашей реформой, например рассказав о том, что принцип добросовестности из известного им принципа обязательственного права превратился в огромное и невероятно важное идеологическое начало всего частного права, а убытки по пункту 4 статьи 10 ГК РФ наряду с отказом в защите права по пункту 2 статьи 10 одной только угрозой своего применения чуть ли не насильно подталкивают участников гражданского оборота к соблюдению новых стандартов поведения, к тому, чтобы не лгать контрагентам и не утаивать от них правду.

Вопрос о том, служит ли модернизированное частное право главным инструментом привлечения инвестиций, для меня имеет более чем очевидный ответ.

В начале 2022 г. история преподала всем наглядный урок дебаты о том, насколько еще российскому законодательству надо приблизиться к мировым образцам, в мгновение были забыты. Громадные усилия большой группы людей, посвятивших годы созданию и улучшению Гражданского кодекса, принесли пользу только «внутреннему потребителю».

А сегодня актуальные конфискационные тенденции правоприменения внушают сомнения в том, что современный, изящный и великолепный инструментарий Кодекса позволит инвестору считать себя в полной мере защищенным в нашем правопорядке и избежать экспроприации.

— Какие, на ваш взгляд, элементы реформы спустя почти десятилетие после ее проведения доказали свою эффективность, а какие так и не заработали в полной мере?

— Как я уже отметила, реформа удалась ровно настолько, насколько к ней было готово правосознание. А оно не меняется вмиг и, как я могу наблюдать, даже за 0 лет меняется с трудом. По-прежнему смутно в умах большинства представление о равновесии в обязательстве. то представление подпитывается воспоминаниями со студенческой скамьи, сидя за которой, многие из нас слышали об эквивалентно-возмездном характере гражданского правоотношения. Увы, в слове «эквивалент» все еще видят встречную равноценную передачу. Однако реальные экономические отношения не линейны, они не исчерпываются примерами из учебников, изданных в 10 10-х гг., и не состоят лишь в уплате среднерыночной цены за единицу товара.

Немало усилий современная доктрина прикладывает к тому, чтобы доказать существование иного интереса, дающего жизнь не только беспроцентной рассрочке, но и непропорциональности в синдикатах, заранее обещанному возмещению потерь, которое нельзя снизить, а также прочим проявлениям частной автономии.

Думаю, этому нашему светлому пути в немалой степени мешает еще и налоговое и антимонопольное правоприменение грубое вмешательство в волю сторон сделки, уничтожение сделок, обвинение сторон в неравноценном предоставлении. Нет сомнений в том, что эта практика воздействует на представление судов о характере обязательства.

Вместо того, чтобы применять публично-правовые штрафы к недобросовестным участникам оборота, органы власти вмешиваются в их внутренние отношения, деформируя саму модель обязательства, попирая частную автономию.

Идея «равновесия», согласно которой «сколько убыло, столько и прибыло», невероятно сильна, и мне все чаще кажется, что она может своими корнями уходить глубоко в нашу ментальность. Участвуя в обсуждении ряда новых институтов обязательственного права, я

слышала от коллег по цеху, что несправедливо забирать у контрагента заранее обещанные им к уплате миллионы, если сам он за период существования обязательства таких же миллионов не получил.

Полагаю, именно это «интуитивное» понимание справедливости, например, лежит в основе тезиса о праве суда снизить плату за отказ от исполнения обязательства (п. 1 Пленума № 4). Мне, например, очень симпатичен пункт статьи 42 ГК, а также его интерпретация, представленная в постановлении Пленума о заключении и толковании договора. уверена, что эта норма стимулирует сторон к внимательности в отношениях, а также к уважительному по отношению друг к другу поведению.

Но есть и весьма уважаемые коллеги, которые сохраняют возражения против идеи признания договора заключенным, если он не был подписан (посмотрите запись конференции, проведенной нашим Исследовательским центром в начале 201 г., дискуссия на эту тему была нешуточной).

Также к числу неудач я бы отнесла незаконченность реформы обязательственного права, внутри которого есть и нормы об отдельных видах обязательств. Они не были ревидованы. С вобода договора воцарилась в части ГК РФ (по крайней мере, на бумаге), а вот часть не была приведена в соответствие с новыми принципами и нормами в 2011 г., когда текст большого законопроекта готовили ко внесению, решили, что отдельные виды обязательств можно будет уточнить когда-нибудь потом. Но Федеральный закон № 42-ФЗ включил в Кодекс статью 0.1, где закреплён (и верно закреплён) специальный характер норм части ГК РФ. то поставило под сомнение целый ряд новелл общей части обязательственного права. Более того, сейчас, работая над новой редакцией главы 4 ГК РФ о страховании, мы отчетливо видим ненужность ряда будто бы специальных норм части ГК РФ (например, о преддоговорных отношениях, об «информационных» обязанностях), на самом деле излагающих в иной редакции правила, уже закреплённые в части Кодекса. Что касается скорости, с которой новые нормы обязательственного права «приживаются» на практике, то мне представляется, что она во всех случаях примерно одинакова. Востребовано не то, что больше всего понятно юристу, а то, что может дать выгоду хозяину бизнеса.

К сожалению, мало востребованы нормы, устанавливающие негативные последствия недобросовестного поведения. Многие юристы не замечают связки, существующей между пунктом статьи 0 и пунктами 2 и 4 статьи 10 ГК РФ. А между тем эта связка даёт нам в руки весьма интересные иски: не только об убытках при переговорах, но и об убытках вследствие действий, совершённых после прекращения обязательства. Надеюсь, специалисты по деликтному праву не воспользуются заминкой в образовании судебной практики по пункту статьи 0, чтобы объявить такие иски обычными деликтными.

— Есть ли в рамках реформы нормы, изначально задуманные для одних ситуаций, а на практике применяемые для совершенно иных?

– Да, есть институты, которые были выписаны, пожалуй, только под несколько кейсов. В качестве примера приведу статью 42.2 ГК РФ. Она «заточена» под корпоративный договор. Насколько мне известно, сейчас она применяется гораздо шире, а самая неожиданная область её

применения девелопмент.

— Наличие какого института, введенного в рамках реформы обязательственного права, все еще является хорошим поводом для дальнейшего исследования или, возможно, реформирования?

Конечно, не все совершенно в усовершенствованном обязательственном праве. Отчасти я уже упомянула об этом. Не исключено появление в скором времени нового законопроекта, который прежде всего будет касаться одностороннего отказа и платы за отказ, а также тех видов платежей, которые не являются платой за основное исполнение (например, платы за опцион).

Я уже говорила о том, как сложно воспринимает судебная практика так называемые не равновесные отношения, поэтому нам придется более четко описать природу платы за отказ от исполнения обязательства. Не буду раньше времени рассказывать об этом скоро проект появится, и тогда можно будет его обсуждать. Постараемся также разрешить в нем проблему некоторых «старых» норм части ГК РФ, диссонирующих с обновленными общими положениями обязательственного права. Верим в частную автономию, проповедуем ее, продвигаем наши убеждения в законодательство. Продолжение следует.

Лидия
Михеева

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель совета (руководитель) Исследовательского
центра частного права им. С.С. Алексеева.

ИНТЕРВЬЮ

10 ЛЕТ РЕФОРМЕ ГК РФ